

преданнаго Россіи Шамхала, предполагалъ построить близъ резиденціи его Тарковъ крѣпость, подъ названіемъ *Бурной*. Производство тамъ работъ, въ отсутствіи главнокомандующаго, было поручено особому отряду, подъ командою начальника корпуснаго штаба, генераль-маіора Вельяминава. Измѣнникъ, бывшій аварскій ханъ, желая помѣшать сооруженію крѣпости, собралъ огромное число лезгинъ и возмутившихся мехтулинцевъ, вторгнулся во владѣнія Шамхала и обложилъ мѣстечко Казанищи, гдѣ тогда находилась жена его. Прибытіе Вельяминава съ частью отряда въ окрестности Казанищей поразило страхомъ непріятеля; лезгины разбѣжались, а мехтулинцы просили пощады, и только лишь жители одного изъ ихъ селеній, Аймеки, дали убѣжище аварскому хану и отказались отъ повиновенія русскому правительству. Генераль Вельяминовъ, подойдя къ мятежному селенію, 29 августа, взялъ его штурмомъ и истребилъ большую часть его защитниковъ. Уронъ съ нашей стороны не превышалъ 65-ти человѣкъ (1).

На возвратномъ пути въ Грузію, генераль Ермоловъ, прибывъ въ Екатеринодаръ, получилъ свѣдѣнія о весьма удачномъ дѣлѣ генераль-маіора Власова 3-го противъ закубанцевъ. Въ ночи на 3 октября, толпа хищниковъ, въ числѣ до трехъ тысячъ человѣкъ, собралась въ камышахъ на Кубани, чтобы вторгнуться въ земли Черноморскаго войска, разорить хутора и угнать богатые стада черноморцевъ. Узнавъ заблаговременно о намѣреніи горцевъ, Власовъ собралъ 500 казаковъ, при трехъ орудіяхъ, и давъ закубанцамъ время переправиться черезъ Кубань и пройти нѣкоторое пространство, отрѣзалъ ихъ отъ рѣки и опрокинулъ къ болотистому заливу. Непріятель понесъ огромную потерю, простиравшуюся, по собственному признанію плѣнныхъ, болѣе нежели

до тысячи человекъ. Съ нашей стороны уронъ былъ ничтоженъ ⁽²⁾.

Императоръ Александръ, по представленію Ермолова, о необходимости особенныхъ поощреній торговой промышленности въ Грузіи, соизволилъ утвердить слѣдующія постановленія: во 1-хъ, всѣмъ, торгующимъ въ теченіи десяти лѣтъ, съ 1 іюля 1822 года дарованы права первой гильдіи, безъ платежа податей, по сей гильдіи положенныхъ, и въ продолженіи того-же срока всѣ торгующіе освобождены отъ личной службы и личныхъ податей, а дома и магазины ихъ отъ военного постоя; во 2-хъ, всѣмъ торгующимъ разрѣшено получать отъ правительства участки земель для своихъ заведеній, по обыкновенной цѣнѣ, и приобрѣтать недвижимую собственность; въ 3-хъ, всѣ товары, привозимые въ Грузію изъ иностранныхъ земель, не подлежали никакому платежу, кромѣ пяти процентовъ съ объявленной цѣны, сообразно пошлинѣ, взимаемой, въ силу Гюлистанскаго трактата, съ товаровъ, привозимыхъ изъ Персіи. (Но при ввозѣ сихъ товаровъ изъ Грузіи въ Россію, постановлено взимать установленную пошлину, по тарифамъ азіатскому и европейскому, сообразно происхожденію товаровъ). Въ 4-хъ, облегчены правила карантиннаго очищенія, на-равнѣ съ Одессою и другими русскими черноморскими портами; въ 5-хъ, повелѣно, для безопасности транспортовъ, на путяхъ отъ морскихъ портовъ до Тифлиса, снабжать ихъ надлежащимъ военнымъ прикрытіемъ; въ 6-хъ, дозволено на сихъ путяхъ устраивать караванъ-сарай, и повелѣно мѣстному начальству содѣйствовать тому отводомъ лѣса и другихъ матеріаловъ; въ 7-хъ, предписано открыть и устроить удобныя пристани для торговыхъ судовъ на берегу Чернаго моря ⁽³⁾.

Управление Ермолова Закавказьемъ отличалось со-

блюденіемъ казеннаго интереса и бережливостію. Свидѣтельствомъ тому служатъ неоднократно полученные имъ Высочайшіе рескрипты, въ коихъ Императоръ Александръ изъявлялъ ему признательность за сохраненіе значительныхъ суммъ, ассигнованныхъ на продовольствіе Кавказскаго корпуса (4). За то Ермоловъ не сносилъ мелочнаго вмѣшательства въ свои распоряженія: по поводу отзыва министра финансовъ, графа Гурьева, объ израсходованіи Ермоловымъ части доходовъ шекинскоѣ области, онъ писалъ:

„М. Г.

„Графъ Дмитрій Александровичъ!

„Желая избѣгать случаевъ, въ которыхъ объявленія офиціальныя не могутъ быть пріятными, я имѣю согласіе вашего сіятельства на переписку партикулярную, и симъ пользуясь, прошу покорнѣйше взглянуть на сообщеніе, писанное ко мнѣ отъ 3 марта. Ваше сіятельство изволите увидѣть, что можно было избавить меня отъ заключающагося въ концѣ вопроса. Вы, конечно, не сдѣлали-бы такового, еслибы хотя минуту остановили вниманіе ваше на томъ, что провинцію Шекинскую присоединилъ я къ управленію нашему, принявъ на себя исполненіе въ пользу нашу дарованнаго хану трактата, ясно предоставляющаго наслѣдственное онымъ владѣніе, тогда какъ провинція сія приноситъ болѣе полумилліона дохода, а сдѣланныя мною издержки не составляютъ и десятой доли онаго. Сверхъ того, онѣ употреблены на предметы, дѣлающіе честь и достоинство правительству, ибо уплачены долги законныя, да на содержаніе фамиліи умершаго владѣтеля.

„Я не имѣлъ на сіе Высочайшаго разрѣшенія, что вамъ не можетъ быть неизвѣстно, и мнѣ, когда нужно было дѣйствовать, затруднительно ожидать

онаго, единственно для того, чтобы соблюсти установленный порядокъ, который, впрочемъ, на провинцію, вновь къ управленію присоединенную, до прочнаго основанія въ ней устройства, распространиться не можетъ. Передавъ уже разъ сборъ доходовъ въ вѣдѣніе министерства финансовъ, я не входилъ ни въ какое распоряженіе оными; но за прежнее до того время, и по законамъ, и по собственнымъ правиламъ чести, я ничѣмъ не обязанъ, кромѣ ясной отчетности, и таковая отдана правительству. Можетъ быть не знакомъ я вашему сіятельству со стороны бережливости, но въ теченіи довольно продолжительной, а иногда и видной, службы, хорошо будучи замѣченнымъ, оскорбительны подобныя вопросы, а если сдѣланы съ намѣреніемъ, то и нестерпимы. Вамъ, милостивый государь, въ поступкѣ моемъ, когда я ищу только приличія, угодно видѣть присвоеніе излишней власти. Увѣрьтесь, ваше сіятельство, что я не кичусь воспользоваться ничтожностью“ (5).

Генераль Ермоловъ, убѣдясь, что вѣрнѣйшее средство для охраненія центра Линіи и обузданія Кабарды было перенесеніе прежней линіи впередъ, на пространство между Владикавказомъ и верховьемъ Кубани, и занятіе поселеніями Линейныхъ казаковъ земель между Малкою и Кубанью, устроилъ, въ продолженіи 1822 года, у подошвы „Черныхъ горъ“, отъ Каменнаго моста на Малкѣ до Ардона, рядъ слѣдующихъ укрѣпленій: *Каменный мостъ, Баксанское, Чегемское, Налчикское и Черекское*, а между Каменнымъ мостомъ на Малкѣ и верхнею Кубанью укрѣпленія: *Бургусантъ, Хахандуковское и Тахтамышевское*. Въ томъ же году приступлено къ устройству Лезгинской линіи, гдѣ сооружены укрѣпленія: *Натлисъ, Кварель и Бъжаньяны*.

Учрежденіе новой Линіи у подошвы Черныхъ горъ и занятіе казачьими поселеніями пространства между Малкою и верхнею Кубанью прервали вредную связь кабардинцевъ съ горцами и закубанскими народами, и, кромѣ того, пріобрѣтены слѣдующія выгоды: сократилось протяженіе Линіи; укрѣпленія и посты устроились въ мѣстахъ выгодныхъ и здоровыхъ; наконецъ, новое размѣщеніе войскъ дало возможность приблизить часть ихъ къ рѣкѣ Кубани и неусыпно наблюдать за тамошними воинственными народами (6).

Вообще - же распоряженія Ермолова по устройству новыхъ Линій имѣли слѣдующія послѣдствія:

Во 1-хъ, чеченцы, жившіе на правомъ берегу Терека, которые, несмотря на названіе „мирныхъ“, давали пристанище хищникамъ и участвовали въ ихъ набѣгахъ, со времени построенія *Грозной*, не только прекратили сношенія съ непріателемъ, но вмѣстѣ съ нашими войсками ходили противъ горцевъ, своихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ, давали подводы, возили лѣсъ и безпрекословно исполняли всѣ требованія русскихъ властей.

Во 2-хъ, въ землѣ кумыковъ, мѣстечко Ендери (Андреево) издавна служило торжищемъ плѣнныхъ; оттуда увозили этихъ несчастныхъ, большею частью, чрезъ Анапу, въ Турцію. Но съ тѣхъ поръ, какъ тамъ была построена крѣпость *Внезапная*, постоянно занятая русскими войсками, въ Андреевѣ торгъ невольниками совершенно прекратился, и ни лезгины, ни чеченцы, уже не имѣли сношеній съ черкесами.

Въ 3-хъ, укрѣпленія, построенныя въ землѣ кумыковъ и въ Чечнѣ, дали защиту мирнымъ жителямъ страны отъ непокорныхъ чеченцевъ и лезгинъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, у такъ называемыхъ „мирныхъ“ горцевъ былъ отнятъ всякій предлогъ принимать участіе въ набѣгахъ непокорныхъ ихъ соплеменниковъ.